



Алексей Поляринов

Почти
два килограмма
СЛОВ



INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Издательство благодарит литературное агентство «Аmapola book»
за содействие в приобретении прав.
<https://amapolabook.com/>

Художник обложки — *Миша Никитин*

Поляринов, Алексей.
П54 Почти два килограмма слов / Алексей Поляринов. — Москва : Эксмо, 2024. — 272 с.

ISBN 978-5-04-203981-2

«Я убежден, что массовое — фундамент элитарного» — под этим девизом Алексей Поляринов (автор романов «Кадавры», «Риф», «Центр тяжести», переводчик «Бесконечной шутки» и «Муравечества») пишет эссе о любимых авторах, доказывая отсутствие границ в культурном пространстве, где разницы между «жанровой» и «высокой» литературой фактически не существует.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203981-2

© Поляринов А., текст, 2024
© ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Автор и издатели выражают благодарность изданиям «Афиша Daily»¹, «Горький»² и «Дистопия»³ за возможность использовать материалы, включенные в эту книгу.

¹ daily.afisha.ru

² gorky.media

³ dystopia.me

Предисловие

«Знаешь, ты можешь писать о чем угодно, но стоит тебе вставить в книгу одного чертова дракона, и тебя тут же назовут автором фэнтези».

Эту цитату из Терри Пратчетта я вспомнил первым делом, когда меня попросили придумать идею и название для этой книги. Если вы откроете оглавление, то увидите, что Кадзуо Исигуро здесь стоит рядом с Аланом Муром, Дэвид Фостер Уоллес — со Стивеном Кингом, а статьи о Набокове и Пинчоне идут следом за историями о сценаристах Чарли Кауфмане и Ное Хоули и текстом о «твердых фантастах» Джеймсе Типтри и Джоне Браннере. Это осознанное решение. Чем больше я изучаю литературу, тем более странной и даже вредной мне представляется привычка многих делить книги по жанровому признаку, делить писателей на «чистых» и «нечистых».

Я убежден, что массовое — фундамент элитарного; оно — своего рода питательная среда для умных писателей, которые не стесняясь подрезают идеи именно там — в «гетто» — в фантастике, комиксах, мюзиклах, фильмах категории Б о зомби, маньяках, вампирах. И своими работами легитимизируют темы, ранее считавшиеся маргинальными.

Для современного молодого писателя снобизм по отношению к «гетто» равен творческому самоубийству. Если ты не интересуешься «драконами», не изучаешь культуру во всем ее многообразии и не спускаешься в самые темные подвалы искусства, твои шансы сказать что-то новое в литературе стремятся к нулю.

Такой вот парадокс: высокое действительно подчас растет из сора («сора»). Но результат выйдет достойным, только если высокое не будет насмехаться над низким и перестанет вешать на него ярлыки¹ — «у-у-у, там есть драконы, прости, я не читаю фэнтези».

Про Стивена Кинга есть отличная история [которую я упоминаю в главе о нем] — настоящий образец снобизма. Однажды пожилая женщина узнала его в супермаркете: «Я знаю, кто вы, вы автор ужастиков. Я не читала ни строчки из того, что вы написали, но я уважаю ваше право писать так, как хочется. Я-то люблю настоящую литературу, типа “Рита Хейуорт, или Побег из Шоушенка”». Кинг так и не смог убедить ее, что эту книгу тоже написал он.

На самом деле, конечно, культурное пространство едино, и границы внутри него — скорее мембраны, чем стены; и утонченное развивается, только если активно взаимодействует с вульгарным. И часто даже подражает ему, переосмысливает. Причем не обязательно в пародийном или саркастическом ключе; история учит нас, что

¹ Здесь, конечно, надо упомянуть еще и об «обратном снобизме» — когда представители «гетто» сами пытаются отмежеваться от «основной» культуры: «Мы — фантасты, у нас есть реактивные ранцы, и все реалисты нам завидуют». На мой взгляд, это тоже не очень здоровое поведение, но сейчас не об этом. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

у сарказма и пародии вообще очень короткий срок годности.

Прежде чем начинать спор об элитарности и проводить какие-то границы, всегда полезно посмотреть назад: Лопе де Вега в свое время писал, что «Сервантесом способен восхищаться только неуч», а театр в эпоху Возрождения считался дном искусства, и написание пьес было ремеслом не более престижным, чем ремесло сапожника. И если бы Шекспир при жизни решил издать свои тексты, его бы подняли на смех¹, как подняли на смех его современника, драматурга Бена Джонсона (подробнее об этом см. эссе Борхеса «Загадка Шекспира»).

Культура постоянно адаптируется, высокое и низкое иногда просто меняются местами — даже в том, что касается пищи. Вот, например, цитата из эссе Дэвида Фостера Уоллеса «Посмотрите на омара»: «...еще в 1800-х омары были пищей низших классов, их ели только бедные. Даже в суровой, каторжной среде ранней Америки в некоторых колониях существовали законы, в соответствии с которыми было запрещено кормить заключенных омарами чаще, чем раз в неделю, считалось, что это жестоко; как заставлять людей есть крыс». Продукт, который сегодня ассоциируется с роскошью и богатством, еще каких-то двести лет назад мог стать причиной бунта эзков, недовольных тюремным меню. Примерно так же и с литературой.

¹ Тут стоит сказать, что некоторые его пьесы все же были изданы при жизни, но не потому, что сам автор считал их достойными издания, а из-за чумы. Исследователь Шекспира Александр Аникст пишет об этом так: «Эпидемия чумы привела к тому, что театральные представления были запрещены. Актерские трупы распались, имущество их распродалось по дешевке. Издатели воспользовались этим и приобрели по сходным ценам театральные манускрипты».

Эта книга — сборник статей. На первый взгляд может показаться, что у перечисленных в оглавлении авторов нет ничего общего. Они как бы из разных «весовых категорий» — фантастика, комиксы, ужасы, реализм, постмодернизм, кино и сериалы. И все же кое-что их объединяет — каждый из них изобрел свой собственный способ рассказывать истории, научился максимально эффективно использовать возможности и ограничения своего медиума и внес свой вклад в разрушение границы между высоким и низким искусством.

X

Как я читал «Бесконечную шутку» Дэвида Фостера Уоллеса

Неподготовленный читатель, пробежав глазами по ключевым точкам биографии Уоллеса, будет (вероятно) очень удивлен, увидев в самом конце запись о самоубийстве. И правда — краткий пересказ жизни ДФУ выглядит так, словно речь идет о самом удачливом писателе XX века.

Ребенок из профессорской семьи (отец — философ, профессор Иллинойского университета; мать — преподаватель английского языка, профессор Паркленд-колледжа в Шампейне), выросший в стенах дома с огромной библиотекой. Мальчишка, чьи родители перед сном читали ему «Улисса» Джойса (!). Сложно придумать более подходящие условия для будущего гения. И дальше — все в таком же духе: круглый отличник, медалист, но не просто очкарик с книгами наперевес, нет, он еще и успешный, подающий надежды теннисист.

Потом — университет, и снова фамилия Уоллес неизменно на первой строчке в списках успеваемости. Специалист по Витгенштейну, он пишет дипломную работу, которая (под воздействием книг Пинчона) постепенно перерастает в первый роман *The Broom of the System* («Метла системы»)¹.

¹ У названия здесь двойное дно. Во-первых, в самой книге идея «метлы» обыгрывается как логическая/языковая задача в стиле Витгенштейна, а во-вторых, «метла» — семейная шутка Уоллесов: бабушка

И — невероятное везение — первый роман ДФУ тут же покупают, и не кто-нибудь, а нью-йоркское издательство Viking Press.

Литературный успех в 25 лет. Книга выходит довольно большим тиражом, ее неплохо раскупают, критики сравнивают вундеркинда с Пинчоном (и не напрасно: «Метла системы», по сути, оммаж «Лоту 49», Пинчон-лайт, с аппендиксом в виде отсылок к Витгенштейну).

Дальше — затишье длиной в несколько лет, проблемы с алкоголем и наркотиками, поиск собственного голоса и попытка исчерпать все приемы постмодернизма в сборнике *Girl with Curious Hair* («Девушка с любопытными волосами»).

Год 1996-й, второй роман, и снова успех. На этот раз — оглушительный, как грохот проезжающего поезда. В 34 года.

«Бесконечную шутку» еще за год до выхода в прессе называли шедевром, *The Great American Novel*, а автора — гением (что, кстати, очень нервировало ДФУ: «А что, если я не гений? Что тогда? Что, если книга выйдет и все скажут, что она дерьмовая? Как вы будете выкручиваться?» — спрашивал он у редактора по телефону). Среди редакторов издательства «Литтл, Браун» о размерах книги ходили легенды — почти полмиллиона слов!¹ Роман, впитавший в себя все тревоги поколения.

Дэвида пыталась убедить его есть больше яблок, и ее главный аргумент звучал так: «Come on, it's the broom of the system» («Ну же, это метла системы» — здесь имеется в виду, что яблочная клетчатка прочищает ЖКТ).

¹ Есть известная байка (скорее всего, правдивая): когда менеджеры издательства «Литтл, Браун» собрались на совещание, посвященное грядущему изданию «Шутки», директор на полном серьезе спросил: «Скажите, а кто-нибудь вообще прочитал эту книгу дальше 70-й страницы?» Руку поднял только редактор Уоллеса Майкл Питч.

И вот — книга в магазинах. Критики напуганы — но не самим текстом, а его размерами¹. Все признавали мастерство автора, его огромный интеллект и потрясающую эрудицию, но почти никто ничего не мог сказать по существу. Шутка ли, 1079 страниц мелким шрифтом, рваный нарратив и безумный монтаж, вечные сноски и сноски на сноски, и сноски на сноски на сноски (всего 388 штук), полное отсутствие хронологии, теннис, наркотики, политика, сатира, конспирология, математика (Уоллес умудрился вставить в роман доказательство теоремы средних значений; даже игру придумал на основе этой теоремы). Единодушны критики были только в одном: эта книга способна свести вас с ума.

Реакция со стороны читателей была более однозначной и красноречивой — толпы и толпы людей приходили на публичные чтения. Люди стояли в огромных очередях, чтобы увидеть/послушать его. Не читатели — фанаты. Дэвид Фостер Уоллес, очкарик, вундеркинд и специалист по Витгенштейну, в одночасье стал рок-звездой от литературы.

Во многом этому способствовали его а) молодость, б) внешний вид и в) манера общения.

ДФУ не занимался мистификациями, не напускал туману в свое прошлое, не эпатировал, не заигрывал с публикой и не прятался на отдаленном ранчо. И этим сильно отличался от других культовых американских писателей — он был, что называется, свой. Американская молодежь 1990-х нашла себе нового кумира — гений, которому едва

¹ Сам Уоллес относился к реакции критиков с юмором. Вот, например, фрагмент из интервью 1996 года: Уоллес: *Вы прочли книгу?* Журналист: *У меня пока не было возможности, но наш рецензент только что закончил ее читать.* Уоллес: *Снимаю перед ним шляпу. Скажите ему, что «Экседрин» лучше всего помогает при переутомлении глаз.*